

Примечание автора

Изложенные в этой книге исторические события имеют под собой реальную основу. Все описанные факты произошли именно так, как здесь представлено, — либо так, как они мне увиделись после того, как я ознакомилась с многолетними исследованиями, многочисленными интервью, пухлыми протоколами судебных заседаний и сведенными воедино пыльными томами архивов.

Тем не менее в ряде случаев, чтобы заполнить пробелы в этой истории, мне приходилось прибегать к игре воображения. Я старалась при этом строго следовать логике повествования.

Если то или иное высказывание поставлено в кавычки, это означает, что оно является цитатой из архивных материалов.

Если твой муж достал тебя,
Попотчуй его белладонной,
Да перца добавь для услады,
И к вечеру сляжет уж он.

*Из венгерской
народной песни*

«Надьрев расположен в излучине реки Тиса, в небольшой долине площадью около тридцати шести квадратных километров. Он представляет собой старенькую деревеньку, раскинувшуюся на речном берегу, с низкими белеными лачугами посреди садов, в двадцати пяти милях от ближайшей железнодорожной станции.

Когда стало известно об имевших здесь место событиях, в Будапеште озадачились и устыдились тем, что всего в ста километрах от столицы посреди сельского безмятежного покоя обнаружилась эта чумная зараза. В Надьрев ринулись целые орды столичных газетчиков и падких на сенсацию персон, задавшихся целью понять, как такое могло случиться и что этому способствовало. Они нашли [в деревеньке] бедных крестьян, существование которых полностью зависело от земельных участков и виноградников. Эти участки, и так по себе небольшие, приходилось делить между подраставшими сыновьями, приходившими на смену своим отцам. Деревенька была со всех сторон стиснута обширными поместьями, словно стальным обручем, поэтому не могла расширяться, и молодежь была лишена надежд как на новый земельный участок, так и на какие-либо

другие перспективы в своей жизни. В результате этого порочного круга рождавшиеся дети превращались из благословения в проклятие... Однако такая ситуация оказалась весьма благоприятна [для деятельности тетушки Жужи].

После того как случившееся здесь было предано огласке, деревня [Надьрев] получила широкую известность. Ее дурная слава опорочила репутацию всей Венгрии. Эта ужасная история прогремела даже за пределами страны. Лично я испытал настоящий шок, обнаружив, что в ста километрах от столицы есть местечко, в котором царят нравы, свойственные скорее самому мрачному периоду Средневековья, чем нашему времени.

Для 1930 года эта история действительно совершенно удивительна».

*Джон (Джек) Маккормак,
глава венского бюро издания «Нью-Йорк таймс»,
февраль 1930 года*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Убийства 1916—1925 годов

ДВЕ МОГИЛКИ И УДАЧНАЯ ПАРТИЯ ДЛЯ БРАКА

Запредельная дерзость и абсолютная бессердечность, с которыми преступницы вершили свои ужасные дела, могли сравниться лишь с глупостью мужчин, ставших их жертвами, с бестолковым простодушием мужей и отцов этих преступниц. Мужчины видели, как их приятели и родственники один за другим умирали в муках, внезапных, необъяснимых и поразительно схожих, однако так и не удосужились попытаться разгадать ту тайну, которую, похоже, знали (или же о которой догадывались) практически все женщины [в Надьреве].

*Джек Маккормак,
«Нью-Йорк таймс»*

Среда, 16 августа 1916 года

Анна Цер лежала на полу в своем доме. Ее спина покраснела и нестерпимо зудела. Она провела на мешковине, которую постелила для нее повитуха, уже несколько часов, и от грубой ткани на ее коже появилось множество мелких царапин. Анна была вся в прилипших к ней нитях дерюги и истекала потом. Она не успела прибраться в доме и теперь металась в грязи и пыли. От всего этого она невыносимо страдала и готова была просто сойти с ума.

Ее жесткие каштановые волосы разметались по шее и плечам. Анна лихорадочно провела ладонью по лбу, чтобы убрать с него мокрые пряди, но те вскоре снова оказались на прежнем месте. Крупные жгучие капли пота заливали ей глаза, они катились по ее лицу, словно ручьи слез.

Анна в очередной раз охнула, ухватилась за мешковину обеими руками и выгнулась от боли, которая насквозь пронзила ее. Она слышала, как ее собственные крики переплетаются с хриплыми командами повитухи, которые та отдавала, склонившись над ней.

После того как волна боли прошла, Анна медленно, осторожно выдохнула и сосредоточилась на словах повитухи. Она напомнила себе, что раньше, когда она прислушивалась к этим отрывистым командам и следовала им, ей становилось легче.

Вскоре она почувствовала, что тетушка Жужи положила ей на живот теплую влажную ткань и теперь осторожно прижимала ее к телу. От компресса исходил слабый запах растительного масла, входившего в состав эликсира, который повитуха использовала, чтобы расслабить мышцы и приглушить боль.

Боль медленно проходила. Анна, обессиленная, откинулась на мешковину. Ее ноги дрожали от изнеможения. Ладони горели от того, что она слишком сильно сжимала грубую дерюгу.

Анна была женщиной небольшого роста и хрупкого сложения для женщины с Венгерской равнины¹. Если бы она отличалась красотой, ее можно было бы назвать миниатюрной, но Анна представляла собой сплошные бугристые

---

¹ Венгерская равнина — равнина, занимающая в настоящее время большую часть современной территории Венгрии (около 56%), лежит на юго-востоке страны. До того, как по Трианонскому договору 1920 года Венгрия лишилась двух третей своей первоначальной территории в качестве страны, потерпевшей поражение (как правопреемница Австро-Венгрии), ее называли также Великой венгерской равниной. (Здесь и далее прим. пер.)

кости с хилыми мышцами. Когда эта беспорядочная геометрия жестких углов двигалась, складывалось впечатление, что она в любой момент может случайно наткнуться на окружающие ее предметы.

Ее кожа была почти прозрачной. Под ней, словно на каком-то причудливом витраже, просматривались тонкие голубые вены. Анна всегда была тощей и костлявой, без капли жира, только теперь появившийся солидный живот выдавал ее беременность.

Тетушка Жужи провела с Анной большую часть дня. Она ходила вокруг нее, тяжело ступая босыми ногами по прохладному земляному полу. Свои ботинки она оставила на крыльце, появившись ранее в тот день в доме Анны вместе с ее мужем Лайошем, которого с тех пор тетушка больше не видела. Она начинала уже беспокоиться, куда он мог подеваться.

Тетушка Жужи, как всегда, была одета в черное хлопковое платье с фартуком поверх него. В карманах своего фартука она хранила все самое необходимое. В одном из них находилась трубка из кукурузного початка и небольшой мешочек с ее любимым табаком, а также коробок спичек. В другом был стеклянный флакон со специальным снадобьем, закрытый деревянной пробкой и завернутый в белую бумагу. Она считала его одним из ключевых элементов своего магического ремесла.

Повитуха порылась в кармане фартука и вытащила свою трубку. Она разожгла ее и сделала глубокую затяжку, обдумывая различные варианты сложившейся ситуации. Она помнила, что Лайош никогда не уходил слишком далеко. Исходя из этого, она решила, что он мог либо валяться в хлеву, либо застрять в корчме. Повитуха выдохнула маленькое прозрачное облачко белого дыма, которое ненадолго повисло перед ней, прежде чем раствориться в воздухе. Где же все-таки был Лайош? Этот вопрос ее занимал все больше.

Дом, в котором сейчас находилась тетушка Жужи, изрядно угнетал ее. Он был совсем небольшим, а потолок — таким низким, что повитуха при желании могла, приподнявшись на цыпочках, прикоснуться к нему своей пухлой рукой. На голых стенах находилось лишь несколько католических икон, вставленных в самодельные рамы. Они свисали с крюков на грубой бечевке, которую Анна взяла в хлеву. Повитуха в очередной раз убедилась в том, что у католиков в Надьреве — самый незавидный удел, что они здесь — беднейшие из бедных и зачастую не имеют и клочка земли. И Анна — яркий тому пример.

К дальней стене был криво прислонен разваливающийся буфет. На одном крюке рядом висело рваное полотенце, на другом — календарь, подарок сельского совета. На полу валялось старое деревянное ведро, которым Анна носила воду из колодца, рядом стоял табурет. На столе стояло несколько мисок, некоторые были треснуты либо с отбитыми краями. Там же находилась парафиновая лампа, для которой у Анны, похоже, никогда не хватало масла. Вдоль стены располагалась единственная в доме деревянная скамья, на которой можно было посидеть — и ничего больше. Чтобы поспать вместе с детьми, Анна раскатывала на полу комнаты соломенные циновки. Когда Лайош приходил из корчмы, он валился здесь же на пол, оглашая комнату своим хриплым храпом.

Дом был наполнен нищенским хламом, душераздирающей смесью разбросанных повсюду старых вещей, напоминавших о несложившейся жизни. Тетушка Жужи чувствовала себя среди них оскорбленной. Все эти вещи имели примерно такую же ценность, как и та грязь, которую она выметала с дорожки на своем дворе. Однако она была расстроена этим зрелищем еще и потому, что оно напомнило ей о ее собственной прошлой бедности и лишениях давних лет, о которых она предпочла бы начисто забыть.

Дом состоял из единственной комнаты и кухни, и входная дверь никогда не закрывалась, поскольку у нее не было

засова. Надърев был деревней с домами без замков, засовов или защелок. Обычно это вполне устраивало тетушку Жужи, но не в этот день.

Она бросила взгляд на дверь. Та была испещрена царапинами и глубокими порезами и выглядела так, словно ее перетасили из еще более ветхого дома. Она криво висела в проеме, и слабые лучи света проникали в комнату сквозь образовавшиеся щели.

В течение всего дня тетушка Жужи подходила к окну, чтобы посмотреть на мешанину беленых хибар. Домишки были совсем крошечными и расположены так же беспорядочно, как сломанные ветки, упавшие на лесную тропинку. В большинстве из них не было и четырех комнат, а чаще всего они могли похвастаться лишь двумя. Деревня представляла собой паутину из грунтовых дорог и тропинок, плотно заставленных такими домами. Повитуха могла убедиться в правдивости старой венгерской пословицы, которая гласила, что крестьянин строил дом там, где кирпич случайно выпадал из его телеги.

Тетушка Жужи еще раз задумчиво затянулась из своей трубки, не отрывая взгляда от окна. Она могла видеть во дворе маленькую дочь Анны, для которой та смастерила куклу из кукурузной шелухи и бечевки. Маленькая девочка любила играть с ней в маленьком дворике на клочке травы перед домом у канавы, устроившись прямо среди кур.

Повитуха также видела, как сын Анны то входил во двор, то выходил из него. Вот он неторопливо появился в калитке с длинной прочной веткой и деревянным ведром. Ему было семь лет, и большую часть лета он проводил на берегу Тисы, ловя рыбу своей самодельной удочкой. Теперь он вернулся с реки, так как ему было поручено присмотреть за младшей сестрой.

Даже при закрытой двери тетушка Жужи слышала, как в деревенской корчме скрипят табуреты и скамьи. Корчма была пристроена к крошечному дому Анны Цер, и до те-